

Paweł Siarkiewicz
RGGU Moskwa

«ОН НЕ БЫЛ НИ СОВЕТСКИМ, НИ АНТИСОВЕТСКИМ
ПИСАТЕЛЕМ — ОН БЫЛ САМ ПО СЕБЕ...»
— ВЛАДИМИР МАКАНИН В ГЛАЗАХ КРИТИКИ

Вступление

«Хочется, чтобы приметилось читателю новое имя — Владимира Маканина, выступившего с первым своим произведением» («Литературная газета» 1965). Автор этих слов — Васидий Литвинов — принадлежит к первому эшелону критиков, обративших внимание читателей на то, что в конце 80-х годов Татьяна Толстая назовет «полигоном для испытания критического оружия». Творчество Владимира Маканина, одного из самых признанных прозаиков современности, является феноменом, развивающимся одновременно в двух пространствах: русской словесности и литературной критики.

Произведения Маканина публиковались и ценились в условиях ограниченной свободы и плановой экономики. Произведения Маканина публикуются и ценятся в условиях полной свободы и капиталистической экономики. Одновременно, принимая в расчет художественный путь писателя, невозможно применить к нему определение «конъюнктурный». Таких авторов немного. И хотя бы с этой точки зрения феномен Маканина заслуживает исследования.

Данная работа представляет собой попытку изучения второй стороны маканинского феномена, т.е. критических отзывов о его творчестве. Произведения Маканина функционируют, как уже упоминалось, в двух пространствах. Можно спорить, является ли Маканин лидером современной русской прозы. Но факт его первенства как героя литературных статей, не вызывает больших сомнений.

Владимир Маканин дебютировал более сорока лет тому назад. За эти годы появилось множество критических работ, посвященных его творчеству. Но далеко не сразу произведения писателя стали поводом для

бурных полемик на страницах литературных журналов. После вспышки популярности, связанной с первой публикацией (*Прямая линия*, 1965), об авторе забывают на долгие годы. Издаваемые им книги, по его собственному определению, «попадали в братскую могилу». Произведения Маканина, не публикуемые в толстых журналах, были обречены на неизвестность. Из этого литературного небытия писатель вырвался в начале 80-х годов. Важным событием стала публикация *Где сходилась небо с холмами* в «Новом мире» (1984). А ещё раньше появились яркие критические разногласия после публикации *Предтечи* (1982).

Текст работы основан на статьях, опубликованных преимущественно в литературных журналах. В отличие от рецензии на конкретное произведение, эти статьи в большинстве имеют, скорее всего, итоговый характер. Они являются попыткой объяснения художественной концепции писателя, воплощенной в его творчестве. Характерным элементом этих работ является также литературная полемика, которая иногда даже заслоняет собой изначально главный предмет критического исследования, т.е. творчество писателя.

Для обзора критических статей, посвященных творчеству Маканина, автор разделил их на четыре группы. Первая включает отклики на *Прямую линию*. Вторая — работы первой половины 80-х годов (по 1986 год¹). Третья — период перестройки вплоть до распада СССР. Последняя группа — статьи второй половины 90-х годов. Такое деление отражает как историю формирования литературной позиции писателя и эволюцию его творчества, так и тесную связь с общественно-политическими событиями этого времени. Цель такого деления — показать изменения в восприятии творчества Маканина в сочетании с меняющейся действительностью. Следует ответить на вопрос: существует ли вообще очевидная разница в критическом восприятии писателя? А если так, то чем она мотивирована: новым видением того же самого объекта или эволюцией творчества Маканина?

Дебют

Прямую линию (1965) критики восприняли в рамках «исповедальной прозы». В половине 60-х годов, во время публикации произведения, это направление было уже на исходе. Но дебют Маканина вызвал доброжелательные отклики. В рецензии в журнале «Октябрь» теплый приём маканинского романа объясняется его «заразительной юностью» и «весенно-взволнованной взбудораженностью повествования»². Критики

¹ Такая цезура мотивируется здесь маканинскими публикациями.

² Л. Иванкова: *Прямая линия*. «Октябрь» 1966, № 3.

подчеркивают способность молодого писателя четко изобразить образ «коллектива научно-исследовательской лаборатории». Нравится им и зарисовка главного героя.

Замечаются, однако, и недостатки романа. Маканина упрекают в отсутствии четкой авторской позиции³. Не всем также нравится, непонятная, по их мнению, смерть главного героя в конце произведения. Стоит здесь подчеркнуть, что отношение автора к изображаемым им персонажам станет в будущем одним из главных элементов литературной полемики вокруг творчества Маканина.

Прямая линия, которая романтикой своих героев привлекла читателей и вызвала благосклонные рецензии критиков, несомненно стала успехом начинающего писателя. После этой мгновенной популярности до начала 80-х годов на непрерывно публикуемые книги автора почти никто не обращал внимания. Владимир Бондаренко объясняет этот факт тем, что, во-первых, сам Маканин начал писать по-другому (чем в *Прямой линии*), а во-вторых, доминирующие направления (деревенская и военная проза) оттеснили его творчество на обочину литературной жизни.

О Владимире Маканине литературная критика вспомнила в конце 70-х годов. В начале 80-х начались горячие споры по поводу его творчества, а несколько лет спустя автор *Антилидера* стал настоящим героем критических статей.

Литературная критика о Маканине в 80-х и 90-х годах

Восприятие творчества Маканина в 1981–1986 гг.

Наталья Иванова принадлежит к «первопроходцам» в области изучения маканинского мира. Она одной из первых попыталась подытожить творчество опытного, но ещё неизвестного прозаика Владимира Маканина (1981 — год публикации статьи)⁴.

Иванова движется в не вполне знакомом и близком себе пространстве. Оно и новое, и не обретшее ещё четких очертаний. Отсюда в заглавии говорится об «очень предварительных итогах», а в последнем абзаце статьи подчеркивается незавершённость творческого облика писателя.

Слабой стороной творчества Маканина Иванова называет «конструирование». По её мнению, в большинстве произведений писателя всё слишком продумано и схематично. Но Владимир Маканин — это

³ Г. Ашанина: *Мир сквозь сердце*. «Знамя» 1966, № 7.

⁴ Н. Иванова: *Очень предварительные итоги: Заметки о прозе В. Маканина*. «Литературная учеба» 1981, № 1.

писатель, который «все время учится, что-то все время преодолевает, [...] он движется, развивается. Ломает. Не боится сам себя высмеять». Наталья Иванова высказывает свои первые впечатления по поводу творчества Маканина и с интересом смотрит в будущее. В 1981 году она определяет тематику его произведений так: «Образ жизни [...] современного городского человека [...]».

Георгий Баженов в статье, опубликованной через два месяца после статьи Ивановой, замечает факт, который скоро станет одним из ключевых для критических работ, касающихся произведений Маканина⁵. В маканинской прозе, пишет Баженов, «порой бывает нелегко разобраться, так незаметно в ней расставлены акценты и смысловые ударения».

Персонажи Маканина, полагает критик, несомненно близки автору, но также и читателю, который с самого начала узнает в герое кого-то хорошо знакомого. И когда уже легко может представить себя на его месте, тогда попадает в «авторскую ловушку». Герой и его жизненные проблемы оказываются морально неоднозначными, а авторская позиция трудно уловима. Неожиданно для оценки сюжетного конфликта читатель чувствует себя вынужденным вникнуть в собственную душу.

В «трудности разобраться» упрекает Маканина и Борис Панкин (1982). На основании *Человека свиты* критик утверждает, что автор не только безразлично относится к своим персонажам, но также без уважения обращается к читателю, которому приходится самостоятельно определять в повести нравственные ориентиры⁶.

В творчестве Владимира Маканина Панкин замечает стремление к эксперименту, главными объектами которого являются герои. Подобное замечание (но в совсем другом духе) помещает в своей статье Анатолий Бочаров (1984)⁷. Для него маканинский персонаж является «плацдармом», на котором автор раскрывает и изучает жизненные закономерности. Слабостью писателя, которую критик обнаруживает в романе *Портрет и вокруг*, является стремление не к «правде о жизни», а скорее всего к реализации определенных авторских принципов.

Творчество Маканина, по мнению Бочарова, соединяет в себе «художническую рассудочность» и «нравственную интуицию». Маканина интересует, как формируется судьба обыкновенного интеллигента. Что её детерминирует. Идея «компромисса в бытовой ситуации», который, став естественным элементом повседневности как таковой, уже даже

⁵ Г. Баженов: *Река по имени Время*. «Подъем» 1981, № 3.

⁶ Б. Панкин: *Доброта, недоброта...* «Дружба народов» 1982, № 9.

⁷ А. Бочаров: *На реке с быстрым течением: о прозе В. Маканина*. «Дружба народов» 1984, № 1.

не воспринимается и является, по мнению Бочарова, одной из главных в творчестве Маканина.

В подобном свете воспринимает произведения прозаика Марк Липовецкий (1985)⁸. «Компромис в бытовой ситуации» у него обретает название «самоточности жизни», которая-то и является главной опасностью, угрожающей человечеству.

В отличие от Панкина, упрекающего Маканина в безыдейности, в статье Липовецкого писатель представляется не только как живописец повседневного быта, но прежде всего, как борец за гуманизм человека. (Несколько месяцев спустя, Ирина Роднянская напишет, что Маканин в своем понимании понятия «человечество» — максималист.) У Липовецкого можем прочесть, что автор *Голосов* в своих произведениях далёк от объективизма, что он не согласен, что он против, что он судит, что он ироничен и т.д. Обличителей маканинского равнодушия сбивает с пути и, по мнению критика, вводит в заблуждение, манера Маканина, который «старается не рубить сплеча».

Ирина Роднянская, как и два предыдущих критика, полагает, что Маканину не нравятся в человеке его «податливость» и «безопорность». Она рассматривает творчество писателя главным образом в контексте его связи с традициями русской классики (1986)⁹. Роднянская ставит Маканина в ряд русских реалистов, которых всегда упрекали за житейские подробности, жестокость, грубость и безыдейность. Она представляет Маканина как Колумба барачной жизни. (Лев Аннинский несколько месяцев спустя назовет писателя «физиологом барака».)

Если согласимся, что социальный анализ является очень важным элементом русской литературы, то Роднянская определяя «коронную область писателя» как «социальное человековедение», подчеркивает тем самым незаурядное значение Маканина для отечественной словесности. К автору *Предтечи* она относится с уважением как к продолжителю великих традиций русского реализма.

Статья Владимира Бондаренко, опубликованная так же как и работа Роднянской в августе 1986 года, выделяется тем, что критик воспринимает прозу Маканина в контексте его принадлежности к поколению «сорокалетних» (некоторые предпочитают здесь термин: «семидесятники»¹⁰). По мнению Бондаренко, для писателей

⁸ М. Липовецкий: *Против течения. Авторская позиция в прозе В. Маканина*. «Урал» 1985, № 12.

⁹ И. Роднянская: *Незнакомые знакомцы*. «Новый мир» 1986, № 8.

¹⁰ И. Золотусский: *Дыхание свободы: свет и тени*. В кн.: *Взгляд — критика, полемика, публикации*. Сост. А.Б. Воронин, А.М. Турков, С.И. Чупринин. Изд. «Советский писатель», М. 1989.

этого последнего военного поколения характерны: небрежливость, настроенный скепсис и жесткий анализ¹¹.

Бондаренко заканчивает статью перечислением биографических фактов (уральское детство и юность, математическое образование, увлечение шахматами, травма позвоночника), которые, по его мнению, важны для полноты образа творчества Владимира Маканина.

Наряду с доброжелательными рецензиями Роднянской («Новый мир») и Бондаренко («Звезда»), в «Знамени» появилась статья Евгения Сергеева¹². Критик останавливает свой взгляд на отношениях Маканина с его героями. «Такое заинтересованно-безразличное, такое наплевательски-внимательное отношение к героям вряд ли у кого найдешь». По мнению Сергеева, автора *Антилидера* интересуют не персонажи, а законы, детерминирующие их поведение. Сюжеты Маканина математически схематичны. Их формула заключается во фразе: «Если ты нашел червонец, значит, кто-то его потерял».

Ирина Роднянская на страницах «Нового мира» утверждает, что Маканин представляет своих персонажей таким образом, что читатель не может подумать, что это «они, и в никаком случае не я». Евгений Сергеев в «Знамени» пишет: «Это не про тебя и не про твоего знакомого. Это про них». По мнению критика, читатель не имеет возможности сжиться с героем, которого Маканин считает лишь подходящим объектом для совершаемого над ним эксперимента. Роднянская, в свою очередь, замечает, что автор, раскрывая своих героев, заставляет читателя обнаружить в них самого себя.

Последней критической работой, предшествующей публикации трех маканинских произведений 1987 года, была статья в «Знамени» знаменитого критика Льва Аннинского.

Аннинский продолжает критическую линию, обнаруживающую в произведениях Маканина слабого человека, который «отдается потоку». Герою писателя является лишенный почвы, включенный в систему социального лабиринта персонаж, «серединное» состояние которого воспринимается как общественная норма.

Если для Липовецкого или Бочарова присутствие авторской оценки в произведениях Маканина не вызывает сомнений, то Лев Аннинский смотрит на эту проблему по-другому. Для него «невозможность выработать к герою однозначное отношение» является имманентной чертой маканинского творчества.

¹¹ В. Бондаренко: *Время надежд*. «Звезда» 1986, № 8.

¹² Е. Сергеев: *По окружной дороге. Смотрите кто пришел*. «Знамя» 1986, № 8.

«Конструктивность» и «лабораторность» — эти определения чаще других перечисляются в качестве недостатков произведений Маканина. Критиков интересует преимущественно характер отношения в системе: автор — герой — читатель. Для одних маканинский персонаж является лишь отвлеченным объектом эксперимента. Другие воспринимают его как своеобразное зеркало, в котором читатель разбирается со своим сознанием. Проблема героя, его авторской оценки и читательской рецепции кажутся самыми существенными для критических работ обсуждаемого выше периода.

Восприятие творчества Маканина в годах 1987–1991

Александр Агеев начинает свою статью *Истина и свобода* (1990) с констатации, что «критическая площадка вокруг писателя основательно утоптана»¹³. Автор *Утраты*, по его мнению, уже не только известный, но и крупный писатель. Литературная критика, продолжает Агеев, уже не столько ищет жизнь в произведениях Маканина, сколько пытается её толковать.

Критические работы конца 80-х годов отличаются от статей, публикуемых на несколько лет раньше, тем, что сейчас обращается внимание не только на писательский, но также на читательский феномен, связанный с рецепцией сочинений автора. Разнообразные и в своих заключениях часто прямо противоположные толкования произведений Маканина заставили критиков подумать и найти причины такого своеобразного восприятия творчества писателя. Одновременно они пытались обнаружить его истинный смысл.

В этом контексте особенно выделяется статья Пискуновых¹⁴. Она является попыткой комментария к критическим работам, посвященным творчеству Маканина. Авторы замечают, что писателю удалось навязать критике свой творческий принцип сложности окружающего нас мира. Эта сложность осуществляется в журнальных статьях в виде противостоящих друг другу толкований маканинских произведений.

На фоне этой «сложности» парадоксально звучат слова одного из представителей поколения «сорокалетних», который в «Литературной газете» (1987) рассуждает над причинами популярности автора *Предтечи*: «Тем он, видимо, и устраивает критиков, что всегда композиционно изящен, формален, четок, ясен, типы его очевидны и что он

¹³ А. Агеев: *Истина и свобода. Владимир Маканин: Взгляд из 1990*. «Литературное обозрение 1990, № 9.

¹⁴ С. Пискунова, В. Пискунов: *Все прочее — литература*. «Вопросы литературы» 1988, № 2.

никогда, так сказать, не прольет воды — не выкинет номер. [...] Маканин наименее рискован, быть может, наиболее профессионален и тем нравится критикам». Толкование «ясного» Маканина ведёт, как замечают Пискуновы, к «полнейшей поляризации критических суждений».

Публикация статьи Пискуновых вызвала беседу Татьяны Толстой и Карена Степаняна¹⁵. На страницах «Вопросов литературы» (1988) писательница и критик стараются проникнуть в смысл произведений Маканина — писателя, который, по их словам, до сих пор остается, «самым таинственным из ныне действующих прозаиков».

Татьяна Толстая обращает внимание на значение структуры маканинских произведений (в частности его последних работ). По её мнению, специфическая форма творчества Маканина требует от читателя сначала разобраться в его принципах, чтобы только потом попытаться успешно постичь его смысл.

Во второй половине 80-х годов литературная критика всё чаще обращает внимание на эволюцию творчества Владимира Маканина. Для большинства очевидной является разница между произведениями писателя 70-х и 80-х годов. С другой стороны, многие критики подчеркивают особенную связь всех сочинений Маканина, которая позволяет воспринимать его художественный мир как меняющуюся, но единую цельную картину. Эту картину Инна Соловьева называет «миром писателя». По её мнению, это понятие в контексте творчества Маканина получает свой настоящий смысл.

Татьяна Толстая воспринимает все произведения Маканина как единую книгу, в которой изображена особенная маканинская действительность. «Только в совокупности произведений выявляется основная тема его творчества», — утверждает писательница.

В чем усматривают основную тему произведений Маканина литературные критики, пишущие свои статьи в последние годы существования Советского Союза?

Пискуновы считают, что понятием адекватным для описания творчества Маканина является понятие «обнаженности». «Обнажая» героев и окружающую их действительность, писатель старается постичь смысл бытия.

Для Агеева одним из главных мотивов творчества Маканина является столкновение свободы с зависимостью (Толстая: индивидуума с коллективом).

По мнению Елены Гессен, темой последних произведений писателя (*Утрата*, *Отставший*, *Один и одна*) стали отношения человека со временем¹⁶.

¹⁵ Т. Толстой, К. Степанян: «...Голос летящий в купола». *Беседа прозаика и критика*. «Вопросы литературы» 1988, № 2.

¹⁶ Е. Гессен: *Вокруг Маканина, или штрихи к портрету*. «Грани» 1991, № 161.

Одним из самых важных мотивов в прозе Маканина является, по мнению Инны Соловьевой, идея взаимосвязанности людей («мир как система сообщающихся сосудов»). Эту идею можно свести к фразе: «Если кому-то дается — у кого-то отымается».

В беседе Татьяны Толстой и Карена Степаняна главная мысль творчества Маканина определяется так: одиночество человека, которое невозможно преодолеть, но к преодолению которого человек постоянно стремится.

Владимир Маканин в одном из немногочисленных интервью (1991) высказал следующую мысль:

Когда я веду повествование и при этом заранее лишаю читателя вариантов толкования, то в этом для меня заключен принцип, который означает, что я выполняю свою работу предельно честно¹⁷.

Эта цитата могла бы стать эпиграфом к сборнику критических работ, касающихся творчества Маканина. Пестрота часто противоречивых толкований произведений писателя заставила критиков искать принципы, по которым строится его художественный мир. Одним из предложенных способов ведения этих поисков является исследование сочинений автора в их совокупности. Восприятие произведений Маканина как одной цельной картины и, что важно, постижение закономерностей её изменений, может вести к обнаружению воплощенного в ней авторского замысла.

Восприятие творчества Маканина после 1991 года

В критических работах второй половины 90-х годов (до публикации *Андеграунда...*) обращается особенное внимание на преимущественно публицистический характер творчества Маканина в последнем десятилетии XX столетия. Одни просто констатируют этот факт, другие воспринимают его в контексте эволюции творческой концепции писателя, третьи же, упрекают Маканина в дефиците художественности. (После публикации *Кавказского пленного* (1995) некоторые критики писали даже о конъюнктурности автора.)

Наталья Иванова, воспринимавшая в самом начале 80-х маканинское «конструирование» как слабую сторону произведения писателя, шестнадцать лет спустя в этой «слабости» замечает также что-то привлекательное¹⁸.

¹⁷ *Интервью Петера Рольберга с Владимиром Маканином*. В кн.: В. Маканин: *Один и одна*. Москва: Изд. «Русский язык» 1991.

¹⁸ Н. Иванова: *Случай Маканина*. «Знамя» 1997, № 4.

У писателя есть «свой круг» персонажей, пишет Иванова, испытываемых автором бытовой повседневностью. В этих испытаниях многие замечают какие-то «внехудожественные расчеты». Формулы и модели, которые предлагаются читателю, напоминают математические задачи. Они увлекают, пишет Иванова, и добавляет, что творчество Маканина можно бы определить термином «компьютерная проза».

Ирина Роднянская в свою очередь обращает особое внимание на жесткость, беспощадность и безнадежность картин, которые пишет Маканин¹⁹. В новой действительности он замечает не столько рост зла, сколько дефицит мужества. А самое главное у Маканина первой половины 90-х — это «неверие в будущее». Роднянская добавляет однако, что всегда искорка надежды где-то сверкнет, даже в самой мрачной маканинской картине.

Андеграунд, или Герой нашего времени

Опубликованный в 1998 году в «Знамени» роман *Андеграунд, или Герой нашего времени* спровоцировал широкую критическую реакцию. Масштабность произведения предоставила критикам возможность его оценки с разных точек зрения. Одни обратили внимание на общественно-политические элементы изображенного мира, воспринимая их в сочетании с российской реальностью описываемого времени. Вторые толковали *Андеграунд...* в контексте русской классики. Третьи вместе с героем погружались в философские размышления над смыслом жизни. Четвертые же, определяя роман Маканина итоговым произведением автора, обнаруживали в нем образы и мотивы из предыдущих сочинений.

Критическая полемика сосредоточилась вокруг главного героя романа. Оценка Петровича (нравственная, социальная, эстетическая...) оказалась главным пунктом читательских разногласий. Некоторые критики традиционно упрекнули писателя в отсутствии четкой авторской позиции.

Критика находит затруднительным найти точное определение для творчества Маканина 90-х годов. Жанровая форма его произведений, согласно духу перемен, становится сплошь демократической. Маканин публикует то повесть-антиутопию, то повесть-эссе, то рассказ, то роман. Автор, которого часто упрекали в схематичности и конструктивности, теперь, многим представляется совершенно непредсказуемым. «Этот писатель умеет удивлять» — пишет Евгений Ермолин в 1998 году.

¹⁹ И. Роднянская: *Сюжеты тревоги. Маканин под знаком «новой жестокости»*. «Новый мир» 1997, № 4.

Маканин в 90-х годах сохранил свою позицию, выработанную в прошлом десятилетии. Удостоенный различных премий, он укрепил свой статус одного из лидеров современной русской прозы.

Последней публикацией автора является роман *Испуг* (2006). Он не вызвал столь бурных дискуссий, как те, которые сопутствовали почти каждому новому произведению Маканина в 90-х годах. Можно это объяснить фактом, что некоторые части романа автор публиковал раньше в журналах (критика более или менее знала, чего ожидать). Кстати, может ли восхищать и волновать критику такой герой — пенсионер, проживающий на даче в Подмосковье?

Заключение

«Социальное человековедение» автора *Антилидера* относится к глубинным законам, обуславливающим поведение личности в обществе. Изучение и толкование этих законов является существенным независимо от сложившейся в данное время общественно-политической обстановки.

На этом фоне можно предложить тезис о том, что «неконъюнктурное» творчество Маканина вызывало преимущественно «неконъюнктурную» критику. Отвлекаясь от случаев идеологического подхода к литературному тексту (например рецензия *Где сходилась небо с холмами* в «Правде» в июне 1984 г.²⁰), мерой оценки произведений писателя были эстетические, а не какие-нибудь другие критерии. Таким образом, трудно сказать о принципиальной разнице в восприятии Маканина в 80-х и, скажем, в конце 90-х годов.

Изменения в восприятии произведений писателя были мотивированы двумя факторами. Очевидной является эволюция художественной концепции Маканина. Этот факт отражается в критических работах. С другой стороны, надо обратить внимание на специфику маканинского творчества. Автор часто помещал своё художественное кредо в собственные произведения (лучший пример — открывающая сборник сочинений Маканина повесть *Голоса*). Можно тогда выделить в них два пространства повествования. Первое охватывает «жизнь героев», второе — вопросы литературного творчества.

Таким образом, каждое новое произведение автора вносит в область восприятия его творчества какие-то новые оттенки. Читатель чувствует себя вынужденным по-новому (в другом ракурсе) осмысливать конкретные мотивы и образы. Чтение Маканина напоминает восприятие

²⁰ А. Кривицкий: *Реляция с поля битвы*. «Правда» 1984, 23 июня.

окружающей нас действительности. Как каждое открытие ученых заставляет нас по другому взглянуть на наш мир, так каждая публикация Маканина освещает предыдущие в новом ракурсе.

Весной текущего года, ещё нигде неопубликованный (его первая часть только что напечаталась в августовском номере «Знамени») роман Асан Владимира Маканина, попал в шорт-лист литературной премии «Большая книга» и вместе с биографией Александра Солженицына Людмилы Сараскиной считается главным претендентом на получение этой награды. Учитывая тематику Асана – война в Чечне и настоящую напряжённую ситуацию на Кавказе, надо полагать, что также мимо этого произведения литературная критика не пройдёт равнодушно.

Paweł Siarkiewicz

„NIE BYŁ ANI RADZIECKIM, ANI ANTYRADZIECKIM PISARZEM
— SZEDŁ SWOJĄ DROGĄ...” — WŁADIMIR MAKANIN W OCZACH KRYTYKI

Streszczenie

Artykuł omawia recepcję twórczości Władimira Makanina. Działalność literacka autora została przedstawiona z perspektywy szczególnego odbiorcy utworu, jakim jest krytyk literacki. Niniejsza praca stanowi próbę zarysowania charakteru krytycznoliterackich reakcji poświęconych twórczości pisarza. Zarys ten ma służyć m.in. odpowiedzi na pytanie o fenomen Makanina, którego proza, niezależnie od polityczno-społecznych uwarunkowań, cieszyła się i nadal się cieszy nieustanną popularnością.

Paweł Siarkiewicz

„HE WAS NEITHER A SOVIET, NOR AN ANTI-SOVIET WRITER — HE CHOSE HIS
OWN WAY...” — VLADIMIR MAKANIN IN THE EYES OF BOOK REVIEWERS

Summary

This article is devoted to perception of Vladimir Makanin's work. Over 40 years of his literature activity is presented from the point of view of a particular book reader — a book reviewer. This work is an attempt to specify the nature of critical-literary articles on Makanin's work. This outline is to be helpful in finding an answer to the question on the writer's phenomenon, whose stories, regardless of social and political circumstances, have always enjoyed popularity.